

азной — как это показал в связи с произведениями Эминеску замечательный румынский ученый Джордже Кэлинеску. Но горизонт романтиков был — также не по вине писателей, а по вине эпохи — исторически ограниченным. В определенном смысле все романтики были последователями Шиллера, все считали, что современное им общество оставляет человеку лишь маленький островок для свободной творческой деятельности, приносящей человеку радость — островок «эстетической видимости». Отсюда вытекал вывод, что повседневная жизнь не «достойна» художественного изображения и героем считался человек, нарушивший рамки повседневного быта и ярко проявлявший себя как индивидуальность в том или ином смысле. Герой противопоставлялся массе, неизбежно вступал с ней в конфликт, господствовал над ней, благодаря своему роковому демоническому характеру. Революционно настроенные писатели и критики, естественно, выступали против таких позиций из-за их нереалистического характера. В «Объяснительном прибавлении от автора» к «Доктору Крупову» А. И. Герцен определяет романтизм как «духовную золотуху, одну из зловещейших психических эпидемий, поддерживающую организм в непрерывном и неестественном раздражении, поселяющую отвращение к всему действительному, практическому и источающую страсти вымышленными»¹. Рост практической революционной деятельности предполагал в качестве обязательной предпосылки и реальную, ясную оценку положения, соотношения социальных сил, потому что только на этой основе могли быть научно разработаны тактические и стратегические линии борьбы, чего не понимали — как известно — русские народники даже в лучший период своей деятельности. Народническая теория «героя» как определяющего фактора революционной деятельности является романтической по своему происхождению, а ее критика, осуществленная марксистами — подлинно реалистической. Так объясняется, между прочим, и присутствие в русском варианте «Интернационала» одной детали, не существующей ни в оригинале и ни в никаком другом переводе:

Никто не даст нам избавления —
Ни бог, ни царь и ни герой.

Совершенно ясно, что речь здесь идет не об отрицании «героического» как такового — ведь наивысший героизм был внесен в революционное движение именно марксистами — а о критике народническо-романтического взгляда на «исключительные» свойства, которыми, якобы, должен владеть человек для того, чтобы стать во главе революции. В соотношении с практическими задачами революции точка зрения, утверждающая, что великие поступки по плечу лишь тем личностям, которые значительно превосходят средний уровень массы («толпы», как выражались романтики), была тормозом, так как поддерживала

¹ А. И. ГЕРЦЕН, *Собрание сочинений* в 30-ти томах, изд. АН СССР, М., т. IV, 1955, стр. 267.